

В 1908 г., подводя итоги недавнему прошлому, В.И. Ленин писал: «Наша революция — явление чрезвычайно сложное; среди массы её непосредственных совершителей и участников есть много социальных элементов, которые... явно не понимали происходящего... отстранялись от настоящих исторических задач, поставленных перед ними ходом событий»¹. С этим сложно спорить. Современник чаще всего не «ухватывает» логику совершающихся на его глазах событий. Ему трудно отделить основное от второстепенного, он может только догадываться об исходе происходящего. Историк же привык «разматывать» историю с конца. В этом его сила и слабость. Он знает, чем завершился изучаемый им период, однако далеко не всегда может прочувствовать психологию исторического момента, когда герой его сочинений, объект его исследований совершает роковой выбор. Современник же принимает решение в «предлагаемых обстоятельствах», неотъемлемая часть которых — его судьба. Он зависит от собственного прошлого — сказанных слов, сделанного выбора, — а также постоянно меняющегося окружения. В.И. Ульянов проделал путь к Ленину в условиях становления, развития, а в какой-то момент и распада партийной системы. Причём взлёты и падения пережили не только большевики, но и в то же самое время прочие политические объединения. Всё же в эволюции партийных организаций начала XX в. была своя логика. Соответственно разговор о большевизме ошибочно сводить исключительно к триумфу 1917 г. То, что так или иначе ассоциируется с именем Ленина, — не данность, а процесс, описываемый понятием «общественное движение»².

В историографии часто и оправданно обыгрывается дихотомия «власть и общество». Эта проблема осмыслялась ещё в XIX в., когда и была поставлена. Однако жёсткой грани, отделявшей бюрократические круги от общественности, не существовало. Они зачастую принадлежали к одной социальной среде, обладали схожим опытом, разделяли вкусы, читали одни и те же книги. В сущности, это могли быть одни и те же лица: например, кн. В.А. Оболенский познакомился с марксизмом, будучи высокопоставленным чиновником в Министерстве земледелия и государственных имуществ³. Среда, питательная для интеллектуального конструирования и политических организаций, была более или менее единой, несмотря на все конфликты. Речь идёт об ограниченном круге лиц, нередко хорошо знавших друг друга. В нём бурлила жизнь: одни заключали союзы, другие разрывали их. Решительные развороты характерны для биографий многих героев того времени. Случай П.Б. Струве, про-

¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 17. М., 1968. С. 206.

² Шелохаев В.В., Соловьёв К.А. Общественное движение в России (методологические и историографические проблемы) // Россия XXI. 2018. № 4. С. 144—167.

³ Соловьёв К.А. Политическая система Российской империи в 1881—1905 гг.: проблема законотворчества. М., 2018. С. 130—132.

делавшего путь от славянофильства к марксизму, от марксизма к либерализму, а затем от «либерализма слева» к «либерализму справа», показательный, но не единственный. Социал-демократическое прошлое объединяет Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, А.С. Изгоева, В.А. Оболенского, М.И. Туган-Барановского и др. Более того, в 1890-х гг. многие из них, сторонники «легального» марксизма, находились на авансцене общественной жизни⁴. Перед любым начинающим политиком того времени стоял вопрос самоопределения. Так, Ленин имел народнический опыт⁵. В 1905 г. П.Н. Милюков был «своим» не только для будущих кадетов, но и для неонародников из круга журнала «Русское богатство», которые звали его в «члены Центрального комитета социалистов-революционеров»⁶. Фракционные блуждания внутри одной партии — дело обычное для тех лет⁷. Политическая дифференциация общественности только набирала обороты, шёл поиск — интеллектуальный и организационный. Это были процессы взаимосвязанные, пересекавшиеся, но не тождественные. И в том и в другом имела своя логика.

Почему проблема политической самоидентификации обозначилась перед общественными деятелями именно в 1890-х гг. — вопрос особый. Пытаясь сформулировать хотя бы краткий ответ на него, можно определить вызов так: правительство утратило историческую инициативу. Оно оставило за собой право на реакцию, отдав оппонентам интеллектуальное лидерство. Однако для того, чтобы воспользоваться этим «даром», последним следовало ответить на вопрос о собственном политическом «кредо».

В этом поиске многое определяла общеевропейская мода на определённые сюжеты и тексты. В самом начале XIX в. родилась тема нации и национализма, сохранившая актуальность и спустя сто лет⁸. Позднее сложилось представление о классовой структуре общества и, соответственно, о классовой борьбе внутри него⁹. По словам В.В. Воровского, «марксизм стал такой же модной теорией, как некогда женский вопрос, естественноисторическая теория и прочие культурные достояния так называемого “общества”». Модная теория у всех всегда перед глазами, о ней все всегда говорят, все с ней считаются, все относят свои взгляды и вкусы к ней, как высоты к уровню моря»¹⁰. Российскую молодёжь в нём подкупало многое, например «европеизм». Как вспоминал Н. Валентинов, «марксизм был вестником, несущим обещание, что мы не останемся полуазиатской страной, а из Востока превратимся в Запад, с его культурой, с его учреждениями и атрибутами»¹¹. Национализм и социализм (в том числе и в марксистской интерпретации) так или иначе апеллировали к массам, которые всё громче заявляли о себе в политике, и к науке, в которую искренне верило большинство интеллектуалов. Национализм мог противостоять социализму,

⁴ Мартов Л. История российской социал-демократии. Период 1898—1907. М.; Пг., 1923. С. 38.

⁵ Логинов В.Т. Владимир Ленин. Выбор пути. Биография. М., 2005. С. 100.

⁶ По словам Милюкова, В.А. Мякотин «был удивлён моим ответом, что я не считаю себя социалистом. Не быть социалистом в этой среде значило быть отлучённым от общения с “орденом”, где каждого новичка допрашивали, “како веруеши”, и принимали только “посвящённых”» (Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1. М., 1990. С. 273).

⁷ Розенталь И.С. Н. Валентинов и другие. XX век глазами современников. М., 2015. С. 54.

⁸ Хобсбаум Э. Век империи, 1875—1914. Ростов н/Д, 1999. С. 209—242.

⁹ Там же. С. 191—208; Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век, 1914—1991. М., 2004. С. 67—68.

¹⁰ Из архива А.Н. Потресова. Вып. 1: Переписка 1892—1905 гг. / Отв. ред. П.Ю. Савельев. М., 2007. С. 194.

¹¹ Валентинов Н. Встречи с Лениным. N.Y., 1981. С. 50.

но они могли также уживаться в одной голове. И тот и другой подразумевали кардинальную реорганизацию общества, причём в соответствии с последним словом науки. Востребованность авангардного проекта будущего — важнейший интеллектуальный вызов рубежа веков¹².

Что первично: идеи или социальная среда, в которой они взращиваются? Об этом можно спорить долго. В любом случае формы коммуникации, трансляции взглядов, характер площадок для обмена мнений хотя бы отчасти определяют и содержание дискуссий. К этой проблеме можно подойти и с другой стороны. Позиция человека говорящего и пишущего так или иначе формируется его референтной группой. Интеллектуал зависит от своей аудитории, публицист пытается соответствовать ожиданиям читателей. В России рубежа веков аудиторию составляла интеллигенция. Как писал в 1899 г. А.Н. Потресов, «идеи — каковы бы они ни были — развиваются в определённой психологической среде... Современный русский марксизм есть такой же фрукт русской интеллигенции, как и приснопамятное русское народничество и некоторые иные течения. И заметьте: интеллигенция... до сих пор... имела весьма мало точек соприкосновения как раз с тем общественным элементом, о котором она так много поёт»¹³.

Интеллигентские кружки 1890-х гг. мало напоминали партии. Отчасти они носили случайный характер. Иначе в условиях идеологического поиска и слабой дифференцированности политического пространства и быть не могло. В кружках зачастую сходились друзья, знакомые, коллеги, родственники. Размежевание происходило не сразу и порой неожиданным образом. Иногда личная дружба сохранялась, иногда она обращалась во вражду. «Если П.Б. [Струве] “совершенно перестанет быть Genosse”, тем хуже для него, — писал Ленин Потресову 27 июня 1899 г. — Это будет, конечно, громадной потерей для всех Genossen, ибо он человек очень талантливый и знающий, но, разумеется, “дружба — дружбой, а служба — службой” и от этого необходимость войны не исчезает»¹⁴. Такого рода «война» позволяла поддерживать контакты, деловые отношения. Например, интеллектуальное противоборство не помешало Ленину ещё в начале 1901 г. вести деловые переговоры со Струве об общем «литературном предприятии»¹⁵. Правда, их провал был предопределён преимуществами Струве, обеспечивавшими ему сильную позицию на переговорах («человек обеспеченный, пишущий много, имеющий хорошие связи»¹⁶), что для Ленина оказалось неприемлемо. Так порой житейские обстоятельства не только сближали, но и разводили людей.

Протопартийный период — необходимый этап становления политической силы. Он имел место и в либеральном (кружок «Беседа», Союз освобождения, Союз земцев-конституционалистов), и в консервативном (Русское собрание,

¹² Представитель уже Советской России так объяснял французскому архитектору Ле Корбюзье: «Большевизм означает максимально крупные масштабы. Крупнейшая теория, крупнейшие проекты. Максимальные. Необходимость докопаться до сути каждого вопроса. Понять его досконально. Во всём объёме. Во всей полноте» (*Схейен III*. Авангардисты: русская революция в искусстве. 1917—1935. М., 2019. С. 21).

¹³ Из архива А.Н. Потресова. Вып. 1. С. 122.

¹⁴ Ленин В.И. ПСС. Т. 46. М., 1975. С. 32.

¹⁵ Из архива группы «Освобождение труда». Переписка Г.В. и Р.М. Плехановых, П.Б. Аксельрода, В.И. Засулич и Л.Г. Дейча. Вып. 2: 1898—1903 гг. / Отв. ред. П.Ю. Савельев, С.В. Тютюкин. М., 2009. С. 272—274; *Пайнс Р.* Струве: левый либерал, 1870—1905. Т. 1. М., 2001. С. 376—384.

¹⁶ Ленин В.И. ПСС. Т. 46. С. 80.

Кружок москвичей, Отечественный союз и др.), и в социалистическом сегменте общественного движения. Причём таковой являлась не любая организация, именовавшаяся партией, их самоназвание не должно вводить в заблуждение. Между I и II съездом Ленин считал РСДРП «бесформенным конгломератом местных партийных организаций»¹⁷. В сентябре 1900 г. он аттестовал объединение социал-демократов вокруг готовившейся к изданию газеты «Искра» как самостоятельную литературную группу, которая не желала слияния с кем-либо¹⁸. О партии пока речи не шло. «Русский марксизм и русская социал-демократия — рассыпанные храмины», — констатировал он в октябре 1900 г.¹⁹ Характерно, что в его письмах речь идёт не просто о социал-демократических кружках, а о кружках эмигрантских. Подлинную российскую социал-демократию он условно именовал «Швейцарией» (там проживал Г.В. Плеханов). Ей противопоставлялись французские и германские группы российских социал-демократов.

В центре внимания Ленина и его корреспондентов — «литературные предприятия», проще говоря, издание газет и журналов²⁰. Их столкновение составило основное содержание политической жизни российской социал-демократии того времени. Из этого сложилось и представление о партийности. Газета в данном случае — не просто печатный орган, а сама партия. И после II съезда РСДРП Ленин придавал ключевое значение партийным центрам в эмиграции. Эти, в сущности, кружки должны были сохранить контроль за организациями в самой России. В ноябре 1903 г. он убеждал Плеханова не идти на уступки «мартовцам», так как это «значит именно узаконить теперь разброд в России, ибо в России ещё не было и тени неповиновения и бунта»²¹. Иными словами, там социал-демократы пока слушались «Искру» и её редакторов, и это положение дел следовало сохранить. В меньшевистской среде обоснованно упрекали Ленина за то, что он рассчитывал на партию, состоявшую из «генералов», игнорируя «рядовой состав»²². Впрочем, он и сам периодически (например, в 1904 г.) сетовал на «кружковщину», неспособность встать вровень с задачами собственно партии²³. Все объединения того времени имели цель — обрести строгую организацию, чёткую программу и, главное, политический язык. Он складывался одновременно с формулированием позиции по ключевым вопросам современности. Такой язык не подразумевал диалога с партийными «соседями», так как являлся следствием идеологического размежевания. Оболенский вспоминал о Ленине: «Общаясь с ним, я всегда чувствовал, что он интересуется мной лишь постольку, поскольку видит во мне более или менее единомышленника, которого можно использовать для революционной борьбы... Будь я тогда социалистом-народником или либералом, я бы для него просто не существовал»²⁴. В этом отношении Ленин не был одинок. Догматизм — характерная черта русской общественной мысли. Так или иначе во всех сегментах общественного движения складывался собственный канон — отчасти случайный, но тем не менее непреложный.

¹⁷ Там же. Т. 9. М., 1967. С. 51.

¹⁸ Там же. Т. 46. С. 42.

¹⁹ Там же. С. 56.

²⁰ Там же. С. 110—111.

²¹ Там же. С. 314.

²² Тютюкин С.В. *Меньшевизм: страницы истории*. М., 2002. С. 57.

²³ Ленин В.И. ПСС. Т. 9. С. 14—15.

²⁴ Оболенский В.А. *Моя жизнь, мои современники. Воспоминания, 1869—1920*. Т. 1. М., 2017. С. 233—234.

По мнению славянофила Д.А. Хомякова, русский народ был свободен от политики²⁵. В этих словах — своя несомненная правда. Кружки, союзы, партии начала XX в. оказались бесконечно далеки от политики в западноевропейском смысле этого слова. Они не занимались политической «торговлей», не искали баланса интересов и, в сущности, не представляли ничьих социальных нужд. Они служили своеобразной интеллектуальной лабораторией, где оттачивались формулировки, фиксировались позиции, складывались концепции — с одной стороны, цельные, с другой — далёкие от различных слоёв населения, которые гипотетически могли их поддержать. Задолго до выхода сборника «Вехи» (1909) Потресов называл интеллигенцию деклассированной социальной группой, «отщепенцами», лишёнными корней²⁶. Действительно, партии боялись говорить о своём классовом характере, предпочитали делать заявления от имени чего-то большего: народа, нации, истории, прогресса. Это придавало им уверенности, но лишало необходимости разговора с оппонентами, которые, казалось, по определению заблуждались. Потресов считал это сектантством, логически вытекавшим из «кружковщины»²⁷. В малочисленных объединениях, претендовавших на всезнание, у местных пророков не могло быть конкурентов. Они выступали от имени всего общества, а может быть, даже человечества. Показательно, что Ленин, представляя пролетарскую партию (т.е. классовую силу), оспаривал право Струве говорить от имени народа. Это право следовало заслужить, отстаивая подлинно демократические требования, а не цензурную конституцию или земское движение²⁸. Сам же Ленин в 1905 г. уверенно говорил от имени всего народа, общенародного (а не только рабочего) движения²⁹.

Получалось, что сравнительно малочисленные, зачастую возникшие по воле случая объединения становились (или, по крайней мере, считали себя) обладателями монополии на истину. Они нуждались не в союзниках, а только в попутчиках. Первостепенной задачей становилась борьба с «ересями». Уже в 1902 г. Ленин поучал: «Никаких абсолютно компромиссов, беспощадная война против малейших остатков экономизма и кустарничества»³⁰. Партийный расклад сложился к 1905 г., что едва ли случайно. Политические силы готовились к революции, надеялись на неё, опасались её, рассчитывали сражаться с ней. В любом случае сам факт их существования оказался своего рода реакцией на потрясения или ожидания таковых. Проблема в том, что следующие десять лет революционным партиям пришлось существовать в послереволюционной России. Для большинства из них это стало невыносимым испытанием. Ещё в 1899 г. Потресов предсказывал: «Зло сектантства исчезнет при выходе из мрака окутывающей нас ночи, при первых загорающих лучах правового порядка»³¹. Характерно, что политические силы всех направлений к 1914 г. испытывали глубочайший кризис³². Они утратили большинство партийных ячеек, оказались полностью дезорганизованы и даже лишены идеологических ориентиров. Их лидеры тогда с ностальгией вспоминали революционные годы.

²⁵ Хомяков Д.А. Православие. Самодержавие. Народность. М., 2011. С. 188.

²⁶ Из архива А.Н. Потресова. Вып. 1. С. 200—201.

²⁷ Там же. С. 122.

²⁸ Ленин В.И. ПСС. Т. 9. С. 87.

²⁹ Там же. С. 208—209.

³⁰ Там же. Т. 46. С. 205.

³¹ Из архива А.Н. Потресова. Вып. 1. С. 123.

³² Савельев П.Ю. Российская социал-демократическая рабочая партия // Россия в 1905—1907 гг. Энциклопедия. М., 2016. С. 855.

Конечно, революцию политические силы представляли по-разному. Для Ленина она происходила на улицах городов в ходе прямого столкновения восставшего народа и слабых правительственных сил. «Только вооружённый народ может быть действительным оплотом народной свободы. И чем скорее удастся вооружиться пролетариату, чем дольше он продержится на своей военной позиции забастовщика-революционера, тем скорее дрогнет войско, тем больше найдётся среди солдат людей, которые станут на сторону народа против извергов»³³. Он не боялся говорить об организации революции и смеялся над теми, кто ни во что не ставил усилия его партии³⁴. Беседуя с Валентиновым в 1903 г., он объяснял: «Начнём демонстрации с кулаком и камнем, а привыкнув драться, перейдём к средствам более убедительным. Нужно не резонёрствовать, как это делают хлюпкие интеллигенты, а научиться по-пролетарски давать в морду, в морду!»³⁵

Такое видение революции разделяли многие. В феврале 1904 г. Парвус писал Потресову: «Ленинизм не исчерпывается одним Лениным, он ещё сидит во всех вас [социал-демократах] и сводится к игнорированию влияния “стихийного” политического развития на партию, к переоценке полезного, как и вредного воздействия отдельных личностей. Вам всё кажется, что вы делаете движение, а меж тем вы только повар у исторического горшка и даже не успеваете вовремя снять накипь бульона»³⁶. Либеральное понимание революции было принципиально другим. Оно подразумевало революцию в умах: утрату легитимности действовавшей власти, а следовательно, и управляемости в стране³⁷. Однако и будущие кадеты, и тем более социалисты разных направлений революции не боялись.

Сложный и не до конца решённый в историографии вопрос: что такое российские партии в межреволюционный период? Как они принарамливались к новым обстоятельствам? Как учились сотрудничать с общественными организациями и органами власти? Так или иначе, левым радикалам новые времена ничего хорошего не сулили. И всё же ставка большевиков на революцию в итоге оказалась выигрышной. Это, казалось бы, снимает вопрос об их прежних просчётах и заблуждениях. Историк, вольно или невольно держа в голове события 1917 г., рассматривает под этим углом зрения предыдущие процессы. При этом упускается из виду, что 1917 год перевернул все «карты», полностью изменил расклад сил и, в сущности, способствовал трансформации всех политических партий. До революционных потрясений они действовали по другим законам. Это относится и к большевикам, которые были особой частью партийной жизни России начала XX в., в чём-то отличаясь от своих «соседей» справа и всё же в значительной мере напоминая их.

³³ Ленин В.И. ПСС. Т. 9. С. 203.

³⁴ Там же. С. 272—273.

³⁵ Валентинов Н. Встречи с Лениным. С. 46. По его словам, сам Ленин «никогда не пошёл бы на улицу “драться”, сражаться на баррикадах, быть под пулей. Это могли и должны были делать другие люди, попроще, отнюдь не он. В своих произведениях, призывах, воззваниях, он “колет, рубит, режет”, его перо дышит ненавистью и презрением к трусости. Можно подумать, что это храбрец, способный на деле показать, как не в “фигуральном”, а в “прямом, физическом смысле” нужно вступать в рукопашный бой за свои убеждения. Ничего подобного! Даже из эмигрантских собраний, где пахло начинающейся дракой, Ленин стремглав убежал» (Там же. С. 47).

³⁶ Из архива А.Н. Потресова. Вып. I. С. 373.

³⁷ Соловьёв К.А. Конституционная революция партии кадетов: от теории к практике (апрель—июль 1906 г.) // Новый исторический вестник. 2011. № 1. С. 14—25.